

УДК 101.1:316

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И ПРИНЦИПЫ ЕЕ ПОСТРОЕНИЯ

А.Л. Сафонов*, А.Д. Орлов**

*ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Московская область, г. Мытищи

**АНО «Международный центр дополнительного образования», г. Жуковский

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.047

Статья посвящается поиску путей преодоления кризиса гуманитарных наук, которые не дали адекватного объяснения процессам постиндустриального развития общества. Предметом исследования являются социально-философские и социологические теории, в рамках которых изучаются процессы глобализации. В процессе исследования использовались методы сравнительного анализа. С их помощью было показано, что единственной теорией, ставящей перед собой цель определения универсальных закономерностей развития общества, остается формационная теория. Тем не менее она должна быть дополнена и переосмыслена с учетом результатов, полученных в рамках теорий социальных институтов, и функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских концепций. На этой основе были сформулированы принципы создания институционально-формационной теории, которая будет позволять с высокой степенью достоверности прогнозировать направления развития социума и адекватно объяснять идущие в нем процессы.

***Ключевые слова:** формационная теория, цивилизационная теория, глобализация, постглобализация, функционализм, структурализм, структурный функционализм, социальная организация, социальные институты, институционально-формационная теория.*

Глобализация, как процесс создания глобальной экономической, информационной и социальной среды, завершается, так и не получив своевременного теоретического осмысления. Более того, завершение глобализации с ее внезапным и катастрофическим переходом к постглобализационной фазе наглядно доказало ограниченность и неприменимость в новых условиях общепринятых в прошлом веке социально-теоретических подходов к развитию общества, так или иначе основанных на экономическом детерминизме, характерном для индустриальной эпохи.

Структура нового, постиндустриального мира начинает проявляться в форме системы взаимно усиливающих друг друга глобальных кризисов в различных сферах общественной жизни. Они принимают, по

сравнению с подобными явлениями предыдущих эпох, качественно новые формы по масштабу, глубине и динамике воздействия на общество.

Переход глобального мира к системному экономическому и социальному регрессу, предсказанный или запланированный известными прогнозами таких структур, как Римский клуб и т. д., сопровождается парадоксальными с точки зрения экономического детерминизма процессами фрагментации и поляризации локальных общностей, «социогенетическим взрывом», порождающим множество новых социальных групп, субъектов и идентичностей.

Вопреки известным прогнозам, как марксистов, так и глобалистов, видящих в глобализации в основном конвергентные тенденции, единой глобальной общности с усредненным культурным кодом и единой «всечеловеческой» идентичностью так и не возникло. Это не произошло, несмотря на невиданный ранее рост товарных, денежных и миграционных потоков и становление цифрового пространства, превративших земной шар в «мировую деревню», где технически каждый может связаться с каждым. Возникновение глобальной социальной среды вызвало не смягчение, а масштабную эскалацию конфликтов между общностями и группами различного генезиса. Войдя в фазу прекращения экономического роста и нарастания ресурсно-демографического кризиса, современное общество вступило в эпоху антагонистической конкуренции за раздел все более ограниченных ресурсов.

Наращение противоречий ведет к углублению кризиса сложившихся ранее социальных общностей и социальных институтов и к росту этнокультурной дифференциации в форме неожиданной актуализации этнической и территориальной идентичности. Всплеск дивергентных процессов, фрагментирующих общество по мере интеграции всемирного экономического, социального и культурного пространства, оказался необъяснимым для научного сообщества.

Характерно, что ни одна социальная теория, несмотря на внешнее разнообразие подходов к исследованию общества, не смогла выявить сущностные механизмы, движущие силы и противоречия глобализации и не дала адекватного объяснения наиболее острым и масштабным процессам постиндустриального развития. Таким образом, неспособность теоретического наследия прошлого осмыслить социальные феномены и исторические вызовы глобализации с очевидностью указывает на глубокий концептуальный кризис современного обществознания.

В этом случае можно предположить, что неудачи всех долгосрочных прогнозов мирового развития на XXI в. неслучайны и имеют общие гносеологические корни. Прежде всего, это убежденность, как марксистов, так и их либеральных оппонентов, в объективно неизбежном слиянии человечества в «мировом государстве», населенном культурно усредненной социальной общностью. Эти представления базиро-

вались на характерных для XX в. представлениях о восходящем прогрессе развития общества, абсолютизации экономического детерминизма и стадийного подхода к развитию общества. Они строились на экстраполяции характерных особенностей индустриальной эпохи, которая уже клонилась к закату, исчерпав ключевые ресурсы своего развития.

Вторая причина концептуального кризиса социальной теории заключалась в одностороннем понимании глобализации, как процесса возникновения и становления экономического и информационного пространства. Однако практика глобализации предметно доказывает, что появление и развитие данного феномена не сводимо к интеграции локальных рынков.

Сегодня мы убеждаемся, что в современном мире на первый план выходят если не новые, то качественно иные движущие силы и социальные механизмы, нехарактерные для эпохи индустриального роста.

Опираясь на методологию индустриальной эпохи, общественные науки не только не сумели спрогнозировать процессы постиндустриальной трансформации общества, но и не смогли даже постфактум объяснить ключевые социальные феномены современности и понять новые направления развития общества. Преодоление глубокого концептуального кризиса в общественных науках ставит задачу адекватного описания современной эпохи, невозможного без переосмысления теоретических оснований гуманитарных дисциплин. Очевидно, решение этой задачи лежит в области социальной философии и тесно связанной с ней теоретической социологии.

Социально-философский метапрогноз мирового развития должен базироваться на обобщении глубинных, сущностных процессов и механизмов социального развития, которые могут лежать вне самоочевидных парадигм недавнего прошлого.

В этих условиях необходимо создание новой социальной теории. Первым шагом к решению этой задачи должен стать сравнительный анализ прогностической ценности известных социально-философских концепций на фактологической базе современности, жестко противоречащей ожиданиям конца прошлого века.

Как известно, основные подходы к изучению законов развития общества делятся на формационные и цивилизационные, которые часто считают альтернативными, но которые дополняют друг друга, изучая разнокачественные сферы социальной реальности.

Основные положения формационного подхода были сформулированы в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса (см. [3, с. 136; 4]). Исторический материализм возник в русле развития социально-философской традиции Нового времени, с характерным для нее постулатом о необратимом прогрессивном развитии общества и природы от низших форм к высшим.

В последующем развитие формационной парадигмы пошло путем описания отдельных формаций, выделения их атрибутивных характеристик и анализа в конкретно-историческом контексте. Со временем в ходе внутренней периодизации отдельных формаций были выделены уклады, как характерные для своего времени и относительно устойчивые совокупности «базисных» и «надстроечных» феноменов.

Значительный вклад в теорию уклада внёс Й. Шумпетер, определивший уклад как совокупность политических, социальных, экономических и институциональных подсистем общества [11]. В дальнейшем категорию технологического уклада развил Н.Д. Кондратьев [2, с. 24, 33, 368], связавший смену технологических укладов с экономической цикличностью.

В ходе развития понятия «технологический уклад» он определялся как «ступень развития способа производства, становление общественной формации, существование уклада, неразрывно связанного по своей сути с переходным состоянием экономики» [9]. В итоге на базе формационной теории Маркса было создано вторичное учение о технологических укладах, которое не вполне корректно редуцировало общественную формацию, как системный социально-экономический феномен, к экономике и более узко – к технологии.

Теоретические основы цивилизационного подхода исходили из представлений Новейшего времени, где «теория линейного развития общества сменяется концепцией нелинейности развития эволюции. Прошлая и современная история рассматривается как результат человеческого творчества. В ней налицо прогресс и регресс, взлёты и падения, единение и размежевание» [1].

Сопоставление формационных и цивилизационных подходов наглядно показывает, что они рассматривают разнокачественные аспекты и сферы жизни общества, взятые на качественно различных этапах исторического развития.

Так, формационная теория исходит из принципа единства законов развития человечества, создавая возможность выделить и обобщить единые для различных культур и цивилизаций объективные исторические закономерности.

Однако формационная теория с ее экономическим детерминизмом часто игнорирует феномены социокультурной природы, характерные для конкретных исторических провинций и культурных макрорегионов.

Напротив, цивилизационные теории фокусируются на частных, единичных, локальных формах социального бытия, игнорируя закономерности универсальной, объективной природы. В их рамках фактически не ставится научная задача определения движущих сил и основных законов исторического развития.

Многочисленные и несовместимые друг с другом варианты данного подхода предлагают различные системы критериев, которые позволяют отнести локальные социокультурные общности к разным цивилизациям. Сами же системы критериев строятся на различных основаниях. Критериями цивилизационной принадлежности локальных обществ являются их этнокультурные, религиозные и исторические особенности. Однако эти критерии достаточно неочевидны и часто противоречат друг другу, что неизбежно вызывает конфликт теоретических подходов и научных школ.

Это предметно доказывает, что цивилизационный подход не смог и не может стать всеобъемлющей социально-философской парадигмой, альтернативной формационной, и должен рассматриваться скорее как теория, дополнительная к формационному подходу, описывающая культурно детерминированные формы исторической реализации общественных формаций.

Однако в конечном итоге как формационный, так и цивилизационный подходы, объясняя генезис и развитие общества постфактум, оказались малопригодными для среднесрочного, а тем более – долгосрочного прогнозирования.

По сути, из формационного подхода следует только то, что по мере становления и развития глобализации, возникновения глобальной экономики, становления единой социальной и цифровой среды возникнет новая формация, которая будет характеризоваться новыми технологическими укладами.

Однако социальные формы бытия новой формации выходят за рамки инструментария, выработанного формационным подходом в XIX в. Более 100 лет назад К. Маркс и Ф. Энгельс, обобщив закономерности раннего периода индустриализации, сделали долгосрочный прогноз о возникновении гипотетической коммунистической формации. Развивая тренды промышленной революции, новая формация должна была предельно повысить степень обобществления средств производства и других экономических ресурсов при снятии наиболее острых для середины XIX в. социальных противоречий. Из этого делался вывод, что основой следующей социальной формации будет общественная собственность на средства производства. Однако развитие общества, объективно стремясь к созданию глобальной экономики, глобального социального и культурного пространства, пошло в направлении создания транснациональных корпораций и ослабления такой социальной организации, как государство.

В послевоенный период появилось такое социальное явление, как глобализация, новая форма бытия человечества, с характерной для нее исключительно высокой концентрацией экономических и управленческих ресурсов в транснациональных частных корпорациях. Этот феномен привел к «отмиранию» ряда социальных функций и институтов

государства и кризису современного национального государства и его институтов, что резко усилило социальную и имущественную дифференциацию общества.

В итоге следует признать, что ни один из характерных для глобализации феноменов не был предсказан в рамках ни формационного, ни цивилизационного подходов. Опираясь на методологию экономического детерминизма, научное сообщество не смогло предвидеть кризис современных наций и вторичную этнокультурную фрагментацию глобального социального пространства, лишённого пространственных барьеров. В частности, ни в рамках марксизма, ни в рамках либерально-рыночного подхода не удалось предсказать внешне парадоксальную активизацию этнокультурных, религиозных и других локальных социальных общностей, характерных, как казалось, в основном для доиндустриальной эпохи. Не удалось предвидеть, что экономически объективное формирование глобального экономического и социального пространства, становление новой, постиндустриальной и «постнациональной» общественной формации, вызовет катастрофический рост противоречий и конфликтов, будет сопровождаться масштабным социальным регрессом и глобальной волной кризисов и катастроф, обесценивающих немалые экономические преимущества и достижения глобализации.

Основным недостатком классической формационной теории было фактическое игнорирование системной сложности и структуры общества, сводимой в основном к вертикальной классовой структуре в одномерном варианте («верхи–низы»). Структурная сложность общества не отрицалась, но воспринималась как вторичное, «надстроечное», явление, играющее подчиненную роль даже на макросоциальном уровне и фактически не влияющее на ход исторического процесса. Таким образом, возник и постепенно расширился серьезный разрыв между общей социально-философской концепцией и прикладными социальными науками.

Цивилизационный подход, в отличие от формационного, фиксировался на конкретных социальных структурах общества и вообще не ставил задачу поиска общих объективных закономерностей формирования социальных структур, замкнувшись на ретроспективном анализе.

Тем не менее понятие структуры, как одной из базовых и наиболее продуктивных категорий научной методологии, не могло не реализоваться в общественнонаучных дисциплинах.

Социальная структура изучается в рамках всех социальных теорий, включая концепции, возникшие на базе марксистских теорий, а также теории конфликта и подходы франкфуртской школы (Т. Адорно, В. Беньямин, Ф. Нейман, Ю. Хабермас, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Л. Левенталь, Ф. Поллок, О. Негт и др.). Также она исследуется в рамках структуралистских, функционалистских и структурно-функционалистских подходов к изучению процессов, идущих в обще-

стве. Часть исследователей выделяет в отдельное направление последователей М. Вебера [1; 7].

С целью выделения классов и других элементов макросоциальной структуры в марксистских и веберовских подходах применяются экономические критерии, поскольку класс рассматривается как продукт экономических отношений. Критерием социальной дифференциации и структурирования в функционализме является социальный престиж, а в структурализме – характерные функции социальных структур и т. д.

Разнообразие концепций, изучающих структурную организацию общества, само по себе указывает не только на сложность и многоаспектность структуры как социального феномена, но и на отсутствие достаточного и общепринятого в научной среде категориального аппарата для его описания. Это, явно избыточное, разнообразие теорий структурной организации общества значительно снижает их познавательную ценность и ограничивает их область применения.

Таким образом, структурные подходы, при их очевидной перспективности, оказались непригодными для прогнозирования реальных социальных процессов в условиях глобальной социальной среды, с характерным для нее системным кризисом институтов и организаций власти. Структурализм, функционализм и структурный функционализм с их конкретно-прикладным характером не ставили перед собой задач макросоциального уровня – долгосрочного социального прогнозирования, изучения динамики социальных структур в глобальном контексте исторического развития. Таким образом, круг задач, решаемых в рамках этих теорий, лежит много ниже социально-философского уровня, где сегодня как никогда актуален анализ и прогноз качественных сдвигов в развитии общества в условиях перехода к новой социальной формации, контуры которой скрыты нарастающим мировым кризисом. Неожиданно острый постиндустриальный кризис, ломая систему социальных страт и ускоряя процессы их трансформации, бросает вызов социальным наукам, и этот вызов, по существу, до сих пор не принят.

Постнеклассическая философия, согласно Н. Луману, характеризуя современность как общество «предельной изменчивости», ограничивается фиксацией этого явления, не давая инструментов анализа реальных процессов, характерных для переходных периодов развития общества, и уходит от проблем определения движущих сил и направлений социальной трансформации. В итоге постнеклассическое направление в социальной философии, фиксируясь на неопределенностях и флуктуациях социальной реальности и обосновывая непознаваемость современного общества, оказывается вариантом исторического агностицизма, познавательная ценность которого ничтожна.

Институциональные теории рассматривают развитие социума как процесс взаимосвязанного формирования институтов и организаций. Развитие и трансформации институтов происходят под влиянием кол-

лективных изменений, отражающих объективные потребности социума. Новые структуры появляются в процессе институционализации групповых запросов индивидуумов, возникающих в процессе развития общества. Объективные общественные потребности и, как следствие, выполняемые социальным институтом функции не всегда осознаются и формулируются явно, как не всегда осознается и сам факт существования социального института.

В отличие от социальных институтов, социальные организации создаются целенаправленно для достижения явно поставленных целей [5; 6; 10].

Тем не менее практическое применение институциональных теорий ограничивается самой констатацией факта существования общественных институтов и организаций, канализирующих и структурирующих взаимодействия и социальное поведение индивидов. Более того, в рамках этого направления до сих пор не создано общепринятого определения и классификации социальных институтов. Это неизбежно ограничивает использование институциональных теорий в междисциплинарном анализе политических, социальных и экономических процессов.

Институциональные подходы в социологии развивались в виде прикладных теорий и рабочих гипотез мезо- и микроуровня. Это изучение конкретных организаций, их внешних связей и взаимодействий, выделение их типичных характеристик. Но при анализе отдельных элементов общественного устройства в рамках институциональных подходов не ставились задачи системного анализа и долгосрочного прогнозирования развития общества в целом, требующие выхода на социально-философский уровень обобщений.

Приходится констатировать, что большинство мезо- и микросоциологических теорий не ставили и не ставят проблемы изучения базовых механизмов и движущих сил развития, действующих на макросоциальном уровне. В то же время, хотя теории «низкого» (микросоциального) уровня ограничивались прикладными рекомендациями по управлению и трансформации определенных организаций, в рамках этого направления были созданы теоретические подходы, применимые на макросоциальном и даже на социально-философском уровне.

Таким образом, формационная парадигма и сегодня остается единственной теорией социально-философского уровня, оперирующей универсальными моделями и объективными критериями исторического развития. Остальные теории либо ограничены проблемами мезо- и микроуровня, либо изучают хотя важные, но частные закономерности и особенности развития общества (цивилизационные теории). Поэтому очевидно, что методологической основой теории высокого уровня, адекватной современной эпохе, может быть только формационный подход.

В то же время не следует забывать, что формационная теория создавалась на фактологической основе раннего индустриализма, в результате чего реалии глобализации и постиндустриализма все больше расходятся с долгосрочными прогнозами полуторавековой давности.

Так, вместо прогнозируемого марксизмом становления коммунистической формации, экономической базой которой должна была стать централизованно и рационально управляемая общественная собственность на средства производства, пришла эпоха глобализации, где производящая экономика оказалась в подчиненном положении. Доминирующую роль в этот период стали играть все более независимые от социального большинства транснациональные корпорации, получившие качественно новую технологическую базу для экспансии во все сферы социальной жизни (цифровая среда). Для постиндустриализма характерна предельная концентрация финансовых и материальных активов, собственности и других ресурсов в руках узкого круга элитных группировок, тесно сплетенных экономическими и социальными связями.

Прогнозы К. Маркса основывались на современной ему практике индустриализма. Одно из основных положений марксизма – тезис о том, что техника и технологии развиваются в процессе удовлетворения потребностей индивидуумов сами по себе, опережая общественные изменения.

В формационной теории постулируется наличие у индивидуумов потребностей, запросов и интересов, определяющих цели их деятельности. Однако марксизм, рассматривая объективные потребности витального уровня (воспроизводство рабочей силы), не исследует механизмы возникновения у людей потребностей более высокого уровня, выходящих за рамки биологического воспроизводства и обычно опосредованных феноменами культурного и цивилизационного порядка. Классический марксизм во многом игнорирует неэкономические сферы бытия человека, где идет формирование и трансформация его социальных потребностей и целей.

Соответственно, в новых условиях, когда объективные материальные потребности человека в основном насыщены, на первый план выходят гораздо более изменчивые и субъективные потребности «надстроечного» уровня, формируемые на социокультурном уровне, что и показывает современная общественная практика.

Для создания новой социальной теории в качестве стимула развития надо рассматривать не только объективные витальные потребности, но и потребности социокультурного генезиса, которые весьма субъективны и изменяются не только в ходе смены формаций, но и на уровне краткосрочных социальных перемен, охватывающих общество в ходе социальных кризисов и катастроф. Приобретая массовый характер, такие потребности объективируются и институционализируются наряду с экономическими потребностями витального уровня.

Формационная теория не учитывает, что средства производства и технологии разрабатываются и используются не «капиталистами» или «пролетариями» как таковыми, а функционируют и развиваются в форме множества сходно организованных (типовых) капиталистических предприятий – вертикально организованных групп, имеющих сходную структуру и систему социальных статусов и ролей.

Существенно важно то, что характерные для своего времени социальные организации возникают не для удовлетворения потребностей абстрактных индивидов, а для решения институализированных объективных потребностей общества.

В процессе становления социальные организации вырабатывают систему собственных целей и интересов, детерминированных внутренней структурой и субъективными особенностями данной организации, но не обществом в целом. Внутри социальных организаций (частным случаем которых являются государства и их институты, а также транснациональные корпорации) возникает власть, как универсальный социальный феномен, обеспечивающий целостность организации и позволяющий ей действовать целенаправленно и согласованно.

Таким образом, интегрируя людей и их частные цели, запросы и потребности, типичная социальная организация действует в своих субъективных интересах, а не только в объективных интересах макросоциальной группы (класса) или общества в целом.

Легко видеть, что для каждой формации характерны не только типы производственных отношений, но и определенные формы организации производства – типовые, сходные между собой организации, во многом определяющие систему общественных отношений и служащие для удовлетворения институализированных потребностей общества в целом.

Таковыми массовыми (типовыми) организациями в индустриальную эпоху являлись промышленные предприятия, в эпоху глобализации – транснациональные корпорации и связанный с ними массив мелких и средних предприятий и т. д. Впрочем, для каждой формации характерны типовые организации и непромышленного характера, удовлетворяющие общественные потребности непромышленного характера.

С момента своего зарождения государство представляет в обществе господствующие политические формы интеграции и регуляции. Оно регулирует не только поведение и деятельность отдельных граждан, но и деятельность различного рода организаций, прежде всего наиболее многочисленных типовых организаций, определяющих формацию и технологический уклад.

Таким образом, каждой формации и каждой исторической эпохе соответствует определенный тип государства, а также определенные типы социальных организаций, формирующих общество (например, капиталистические предприятия). Соответственно, не только государство,

но и типовые социальные организации задают характерную для каждой эпохи типичную статусно-ролевую, классовую и социальную структуру общества. Как государства, так и типовые организации определяют особенности формаций, включая постиндустриальный период, когда идет революционная смена преобладающих типов и форм социальных организаций, характерная для переходных эпох. Поэтому новой социальной теории необходимо учитывать феномен типовых социальных организаций, как одну из основных форм организации общественного бытия.

Деятельность организации с необходимостью включает феномен власти, как атрибут любой иерархически организованной социальной структуры. Институт власти позволяет организации координировать и кооперировать действия индивидуумов, имеющих различные статусно-ролевые позиции. Очевидно, что модернизация формационной парадигмы требует описания феномена власти, как ведущего социального механизма разделения и кооперации человеческой деятельности.

В качестве движущей силы исторического развития формационный подход рассматривает противоречия и конфликты, однако для описания общественного развития не менее важны феномены кооперации и сотрудничества, индуцируемые противоречиями, но несводимые к ним. Соответственно, противоречия между типовыми социальными организациями генерируют, формируют и ведут их эволюционный отбор. Таким образом, наряду с классовой борьбой и конфликтами в обществе социальные изменения определяются процессами возникновения, развития и распада социальных организаций, общностей и социальных групп, формируемых объективированными и институализированными интересами.

Определяющие ход истории массовые движения, в том числе и революционные, ведут к возникновению и распространению новых типов социальных организаций, создаваемых для разрешения конфликтов и противоречий в пользу своих участников. Закономерности генезиса и эволюции типовых организаций, анализ паттернов группового поведения, объективирующего социальные действия индивидов, могут быть успешно установлены на базе структуралистских, структурно-функционалистских подходов, а также в рамках психологического направления социологии, возникшего в рамках функционализма.

Таким образом, несмотря на кризис классического марксизма, основой социально-философской теории системного уровня, раскрывающей сущностные черты постиндустриальной современности, может быть только формационная парадигма. Вместе с тем классическая формационная парадигма должна быть переосмыслена и конкретизирована на основе результатов, полученных с помощью институциональных, функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских теорий, дополняющих ее на социально-философском уровне. Связующим звеном между теориями макро- и

микросоциального уровня должна стать концепция типовых социальных организаций. Также при построении новой социальной теории необходимо учитывать феномен устойчивого воспроизводства культурно-цивилизационного разнообразия мира в условиях глобального социума [7; 8].

Учет и синтез всех этих достижений, полученных в рамках философии и социологии, позволит создать новую теорию, адекватно описывающую процессы развития социума в эпоху глобализации, а также в предшествующие и будущие периоды развития общества.

Выводы

Социальные модели развития общества должны основываться на следующих положениях:

1. Личные потребности индивидуума возникают в процессе развития общества. Если они становятся стабильными и приобретают групповой характер, то они объективируются. В этом случае появляются не индивидуальные, а институционализированные потребности. Они возникают в различных подсистемах общества: собственно социальной, экономической и политической. Для их реализации создаются вертикально организованные группы со своей иерархической структурой и статусно-ролевой системой, т. е. организации формальные и неформальные. Каждому состоянию общества соответствует свой уровень развития техники и технологий. Развитие и использование техники и технологий для осуществления институционализированных экономических потребностей происходит в рамках организаций.

2. Развитие организации определяется не только взаимодействием с внешней средой. Оно во многом зависит от процессов трансформации ее внутренней структуры. Ввиду этого внутри организации возникает своя субкультура, нормы, правила и т. д. Под их действием у данных структур появляются свои собственные цели, достижение которых не дает в полной мере решать задачи, направленные на реализацию институционализированных запросов общества.

3. Каждая историческая эпоха характеризуется типовыми социальными организациями, которые имеют свои собственные цели и решают свои задачи. Для того чтобы согласовывать их интересы с институционализированными запросами общества, появляется государство. Оно регулирует не только поведение отдельных индивидов, но и деятельность различного рода социальных организаций, в том числе и типовых, которые в силу своей многочисленности охватывают значительные доли населения и опосредуют распределение значительной части ресурсов (сельские общины – при феодализме, фабрики – при капитализме и др.). Государство со своими подразделениями само по себе является организацией с характерной для нее статусно-ролевой структурой. Каждой ис-

торической эпохе соответствует свой тип государства, отражающий политическую структуру существующего общества.

4. Типовое для каждой эпохи государство и типовые социальные организации определяют характерную для своего времени статусно-ролевую и социальную (в том числе и классовую) структуру общества.

5. Согласованные действия социальной организации, несмотря на различные интересы составляющих ее индивидуумов, которые во многом определяются их статусно-ролевыми позициями, возможны только благодаря такому социальному феномену, как власть. Этот феномен есть свойство вертикально интегрированной группы. Власть всегда связана с принадлежностью к организованной общности, в пределах которой она реализуется.

6. Организации в процессе своего существования проходят жизненный цикл – фазы возникновения, развития, устойчивого функционирования и распада. Воспроизводство данных структур во многом обеспечивается их внутренней культурой с определенными нормами, правилами, типами социальных связей и т. д. Эти процессы могут быть описаны в рамках структуралистских и структурно-функционалистских подходов. Развитие организаций во многом зависит от массовых действий индивидуумов, которые объективируют социальные процессы. Изучение данного феномена возможно проводить в рамках психологических теорий в социологии, основанных на функционализме.

7. Классовая борьба и социальный конфликт играют существенную роль в развитии общества. Тем не менее не только они определяют социальные изменения. Также при изучении механизмов развития общества необходимо учитывать процессы группообразования и кооперации, которые идут под влиянием внешних, в том числе и институционализированных, факторов. Кроме того, при анализе социальных изменений надо учитывать процессы развития организаций, идущие под влиянием их внутренней структуры. Это возможно в рамках функционалистских, структуралистских и структурно-функционалистских теорий.

8. Положения цивилизационных теорий позволяют сделать весьма существенный и далеко не очевидный вывод. Он заключается в том, что, несмотря на процессы, ведущие к унификации экономики и культуры, культурно однородного социума с недифференцированной идентичностью не возникнет. Общие процессы глобализации в различных регионах мира будут иметь свои особенные проявления. Значительное количество организаций будет возникать под влиянием институтов, которые характерны только для определенных цивилизаций. Культурная дифференциация сохранится в ближайшей исторической перспективе так, как она сохранялась в крупных империях и государствах.

9. Новая социальная теория, соответствующая современной эпохе, должна представлять собой синтез формационной теории с теориями социальных институтов и организаций. Кроме этого она должна приме-

нять методы и подходы, полученные в рамках цивилизационных и функционалистских концепций, структуралистского и структурно-функционалистского направления в социологии, а также теорий социальной стратификации и власти.

Список литературы

1. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Иоселевича. М.: Эдиториал; УРСС, 1999. 704 с.
2. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // Избр. труды. М.: Экономика, 2002. 765 с.
3. Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Некоторые идеи к философии истории К. Маркса // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2008. № 33. С. 136–146.
4. Маркс К. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956, 689 с.
5. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.
6. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). <http://www.strana-oz.ru/2004/6/funkcionirovanie-ekonomiki-vo-vremeni> (дата обращения: 03.05.2020).
7. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация и парадигмы социальной философии // Философская мысль. 2019. № 1. С. 1–32.
8. Сафонов А.Л. Орлов А.Д. Новая социальная теория и принципы ее построения (глобализация и основные механизмы развития общества). Екатеринбург: Издательские решения, 2020. 112 с.
9. Сытник А.А. Генезис технологического уклада // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2011. Т. 1, № 1 (52). С. 245–248.
10. Фаворо О. Внешние и внутренние рынки // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 90–103.
11. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. , предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.

INSTITUTIONAL-FORMATION THEORY AND ITS CONSTITUTIVE PRINCIPLES

A.L. Safonov*, A.D. Orlov**

* Moscow Region State University, Moscow Region, Mytishchi

** ANO «International Center for Additional Education», Zhukovsky

The article is devoted to the search for ways to overcome the crisis in the humanities, which have not given an adequate explanation for the processes of the society post-industrial development. The subject of this research is socio-philosophical and sociological theories, within the framework of which the processes of globalization are studied. Methods of comparative analysis were used in the research. They helped to demonstrate that the only theory the goal of which is to determine the universal laws of society development is the formation theory. Nevertheless, it should be supplemented and reconsidered due to the results obtained within the framework of theories of social institutions, and functionalist, structuralist and structural-functionalist concepts. Based on

this, the principles of creating an institutional-formation theory were formulated. It would allow predicting the highly reliable directions of the society development and providing an adequate explanation of its processes.

Keywords: *formation theory, civilizational theory, globalization, post-globalization, functionalism, structuralism, structural functionalism, social organization, social institutions, institutional-formation theory.*

Об авторах:

САФОНОВ Андрей Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры философии ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Московская область, г. Мытищи. E-mail: zumsiu@yandex.ru

ОРЛОВ Александр Дмитриевич – кандидат технических наук, ведущий специалист АНО «Международный центр дополнительно образования», г. Жуковский. E-mail: aorlov2004@yandex.ru

Authors information:

SAFONOV Andrey Leonidovich – PhD (Philosophy Sciences), Prof. of the Philosophy Department of Moscow Region State University, Moscow Region, Mytishchi. E-mail: zumsiu@yandex.ru

ORLOV Alexander Dmitrievich – PhD (Technikal Sciences), leading specialist of ANO «International Center for Additional Education», Zhukovsky. E-mail: aorlov2004@yandex.ru